

Вольтер

Философские письма

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В71

В71 **Вольтер**
Философские письма / Вольтер – М.: Книга по Требованию, 2022. – 114 с.

ISBN 978-5-4241-2010-7

Классический труд великого Вольтера, властителя дум всей Европы XVIII в.

ISBN 978-5-4241-2010-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022
© Вольтер, 2022

Вольтер
Философские письма

Вольтер
Философские письма

"Lettres philosophiques". К работе над этим произведением Вольтер приступил в конце 1727 - начале 1728 г., находясь в Англии, но широко развернул ее по возвращении на родину в 1729 г. и в основном завершил к концу 1732 г. В начале 1733 г. Вольтер направил один экземпляр рукописи в Лондон своему другу Тьерю с поручением издать ее в английском переводе. Второй экземпляр был передан французскому книгоиздателю Жору, которому в середине 1733 г. Вольтер отправил также только что написанные "Замечания на "Мысли" Паскаля", которые должны были заключить "Философские письма".

В Лондоне сочинение Вольтера было опубликовано в августе 1733 г. под заглавием "Письма об английской нации". Французское издание писем Вольтер затягивал, опасаясь репрессий со стороны властей, пока Жор по своему усмотрению не опубликовал их в апреле 1734 г. в Руане как "Философские письма". В интересах конспирации на титульном листе книги в качестве места издания был указан Амстердам, названо голландское книгоиздательство, а автор обозначен лишь начальной буквой его фамилии - "В...". Парижская судебная палата ("парламент") незамедлительно осудила "Философские письма" на сожжение как книгу "соблазнительную, противную религии, добрым нравам и почтению к властям". Был отдан приказ об аресте Вольтера, авторство которого установить не стоило труда. Предупрежденный о грозящем аресте, Вольтер успел бежать в Голландию. В том же 1734 г. "Философские письма" трижды издавались в Амстердаме и один раз в Лондоне на французском языке, где они получили название "Письма, написанные из Лондона об англичанах и о других вопросах".

Перевод "Философских писем" сделан по их критическому изданию в 1909 г. известного французского исследователя Гюстава Лансона, который в основу своего труда положил издание Жора 1734 г. с указанием изменений, вносимых Вольтером в ходе 16 последующих прижизненных публикаций этого произведения.

Письмо первое
О КВАКЕРАХ

Я решил, что учение и история столь необычных людей заслуживают любознательного отношения разумного человека. Дабы просветиться в этом вопросе, я собрался встретиться с одним из самых знаменитых квакеров! Англии, который после тридцати лет занятия коммерцией сумел положить предел росту своего состояния и своим вождениям и удалился в деревню под Лондоном. Мне надлежало разыскать его в его убежище; это был небольшой дом добротной постройки, сверкавший незатейливой чистотой. Сам квакер был бодрым стариком, никогда не страдавшим никакими недугами, ибо он не ведал страстей и ему была чужда невоздержанность. В жизни своей я не лицеизрел более благородного и привлекательного облика. Одет он был, как все люди его религии, в платье без боковых складок и пуговиц на карманах и на манжетах и носил большую шляпу с загнутыми полями, как наши священники. Принял он меня в той же шляпе, и, когда ступил мне навстречу, в его осанке нельзя было заметить даже намек на поклон; однако в его открытом и исполненном человеческого достоинства лице было гораздо больше предупредительности, чем у тех, кто привык шаркать ногой или держать в руках предмет, предназначенный для покрытия головы.

- Друг, - сказал он мне, - я вижу, ты иностранец: если я могу быть тебе чем-то полезен, только скажи.

- Месье, - отвечал я, согнувшись и поклоне и скользя по направлению к нему ногой по нашему обычаю, - я лщу себя надеждой, что мое справедливое любопытство не будет вам неприятно и вы снизойдете ко мне и окажете мне честь просветить меня в вашей религии.

- Люди твоей земли, - возразил он мне, - слишком склонны к любезностям и реверансам, однако я не встречал еще ни одного, кто был бы столь любознателен, как ты. Входи, и сначала давай пообедаем вместе.

Я произнес еще несколько нелепых приветствий - трудно ведь сразу отрешиться от своих привычек; после здоровой и скромной еды. начавшейся и закончившейся молитвой, я стал расспрашивать моего нового Друга. Я начал с вопроса, который добрые католики не раз задавали гугенотам.

- Дорогой сэр, - спросил я его, - вы крещены?

- Нет, - отвечал мне квакер, - точно так же как и мои собратья.

- Значит, черт побери, - воскликнул я, - вы не христианин?

- Сын мой, -- с живостью возразил он мягко, - но надо браниться: мы христиане и стараемся быть добрыми христианами, но мы не считаем, будто суть христианской меры состоит в поливании головы чуть посоленной холодной водой.

- Проклятье - вскричал я, пораженный таким несчастьем. Вы, верно. забыли, что Иисус Христос был крещен Иоанном!'

- Друг, еще раз прошу, обойдемся же без проклятий", молвил добродушный квакер. - Христос принял крещение Иоанна, по сам не крестил никого; мы же ученики Христа, а не Иоанна.

- Увы! - скачал я, - в стране, где есть инквизиция, вы были бы попросту сожжены, бедняга... Во имя любви к Богу давайте я нас окрещу и сделаю христианином!

- Если бы требовалось лишь это для снисхождения к твоей слабости. -возразил он серьезно, - мы охотно бы это сделали; мы никого не осуждаем за выполнение обряда крещения, но мы верим, что те, кто исповедует абсолютно священную и духовную религию, должны, елико возможно, воздерживаться от иудейских обрядов.

- Так что же, крещение, - вскричал я, - это один из иудейских обрядов?!

- Да, мой сын. - продолжал он, - он настолько иудейский, что многие евреи еще и поныне пользуются иногда крещением Иоанна. Обратись к античности, и ты узнаешь, что Иоанн просто воскресил эту практику, действовавшую задолго до него у евреев, подобно тому как паломничество в Мекку было принято у исмаилитов. Иисус пожелал принять крещение Иоанна, точно так же, как он подверг себя и обрезанию, но то и другое - и обрезание и омовение водой - было упразднено крещением Христа - этим крещением духа, омовением души, спасающим людей; так, предтеча Иоанн сказал: "Я крещу вас водою истине, но другой придет после меня, более могущественный, чем я, которому я недостоин даже подать сандалии; он окрестит вас огнем и Св. Духом". Точно так же великий апостол язычников Павел писал коринфянам: "Христос послал меня не крестить, но проповедовать Евангелие". Таким образом, этот самый Павел никогда никого не крестил водой, кроме двух человек, да и то против своей воли. Он сделал обрезание своему ученику Тимофею, другие апостолы также делали обрезание

всем, кто этого желал. А ты обрезан?

- обратился он ко мне вопрос.

Я ответил ему, что не имел этой чести.

- Прекрасно, друг, - сказал он, - ты христианин без обрезания, а я - без крещения.

Вот таким образом мой снятой человек тенденциозно злоупотребил

тремя-четырьмя местами Священного писания, которые, казалось бы, оправдывали его секту, но он самым искренним образом забыл добрую сотню мест, кои ее уничтожают. Я поостерегся вступать с ним в какой бы то ни было спор - когда имеешь дело с одержимым, это ничего не дает: никогда не следует говорить человеку о недостатках его возлюбленной, как ни в коей мере не следует объяснить, истцу слабые стороны его дела или приводить доводы рассудка ясновидцу; итак, я перешел к другим вопросам.

- А как вы относитесь к причастию? - спросил я его.

- Мы вообще им не пользуемся, - сказал он.

- Как! Вы вообще обходитесь без причастия?

- Нет, но мы признаем только причастие сердца.

После этого он снова стал цитировать мне Писание. Он произнес предо мной внушительную речь, направленную против причастия, говоря со мной вдохновенным тоном, дабы внушить мне, что все святые таинства - это выдумки людей и что слово "таинство" ни разу не встречается в Евангелии.

- Извини, - сказал он, - мое невежество, я не привел тебе и сотой доли доказательств моей религии, но ты можешь их прочесть в изложении нашего символа веры у Роберта Беркли²: это одна из лучших книг, вышедших когда-либо из рук человеческих. Наши враги считают ее очень опасной, именно это показывает, насколько она разумна.

Я обещал ему прочесть эту книгу, и мой квакер решил, что я уже обращен.

Далее он изложил мне в немногих словах основание тех странностей, которые служат причиной презрения, питаемого к этой секте другими.

- Признайся, - сказал он, - что тебе стоило больших усилий не рассмеяться, когда на все твои любезности я отвечал тебе, не снимая с головы шляпы и разговаривая с тобой на "ты", а между тем ты мне кажешься слишком образованным человеком, чтобы не знать, что во времена Христа ни одна нация не впадала в эту смехотворную подмену единственного числа множественным. Цезарю Августу говорили: "Я тебя люблю, я тебя прошу, благодарю тебя"; он не терпел даже, чтобы его называли "Господин, Dominus". И лишь гораздо позже люди решили обращаться друг к другу на "вы" вместо "ты", словно вместо одного человека налицо два, и присвоить себе заносчивые титулы "Ваше высочество", "Превосходительство", "Преосвященство", которые земные черви дают другим земным червям, заверяя их в том, что они являются почтительнейшими (и бесчестно двоедушными!), ничтожнейшими и покорнейшими их слугами. Именно для того, чтобы сильнее остерегаться этого недостойного обмена лживыми и льстивыми заверениями, мы одинаково обращаемся на "ты" к королям и уличным сапожникам и никому не кланяемся, сохраняя к людям лишь милосердие, уважение же - только к законам.

Мы также носим одеяние, несколько отличное от одежды других людей, дабы это было нам постоянным напоминанием о том, что мы не должны на них похо-

дить. Другие люди носят знаки своего сана, мы же -знаки христианского смирения; мы избегаем веселых сборищ, зрелищ, игр, ибо это дало бы нам повод севтовать на то, что сердца наши заполнены подобными пустяками вместо того, чтобы там обитал Бог; мы никогда не даем клятвенных заверений даже на судах, ибо считаем, что ими Всевышнего не подобает произносить всуе в мелочных спорах людей. Когда мы должны явиться пред должностным лицом для устройства чужих дел (у нас самих никогда не бывает тяжб), мы подтверждаем истину простым "да" или "нет", и судьи верят нам на слово, и то время как великое множество христиан ложно клянутся на Евангелии. Мы никогда не идем на войну, но не потому, что боимся смерти; напротив, мы благословляем миг, соединяющий нас с Первосущим, но мы ведь не полки, не тигры и не псы, а люди и христиане. Наш Бог, повелевший нам возлюбить своих врагов и страдать безропотно, несомненно, не желает того, чтобы мы переплывали море и убивали наших собратьев, потому что убийцы в алых плащах и высоких двурогих шлемах вербуют горожан, поднимая шум при помощи двух палочек, коими ударяют по туго натянутой ослиной коже; и когда после выигранного сражения весь Лондон сверкает иллюминацией и небо загорается от ракет, а воздух оглашается шумом благодарственных молебнов, звоном колоколов, звучанием органов и пушечными выстрелами, мы содрогаясь в тиши от этих убийств - причины всеобщего ликования.

Письмо второе О КВАКЕРАХ

Примерно таков был разговор, состоявшийся между мной и этим необычным человеком; но еще гораздо больше я был поражен, когда в следующее воскресенье он повел меня в церковь квакеров. В Лондоне у них много часовен; та, в которой я оказался, расположена рядом со знаменитым столпом³, именуемым Монументом. Когда я вошел вместе со своим провожатым, все были уже в сборе. В церкви находилось около четырехсот мужчин и трехсот женщин; эти последние прикрывали свои лица веерами, головы мужчин были покрыты широкополыми шляпами; все сидели в глубоком молчании. Я прошел между ними вперед, при этом никто даже на меня не взглянул. Молчание это длилось четверть часа. Наконец, один из них поднялся с места, снял свою шляпу и после нескольких ужимок и вздохов, действуя отчасти ртом, а отчасти носом, понес галиматью, взятую, как он считал, из Евангелия, но к которой ни он сам, ни кто-либо из присутствовавших не поняли ни слова. Когда этот конвульсионер завершил свой великолепный монолог, а собрание разошлось, совершенно оглушенное полученным наставлением, я спросил у моего приятеля, для чего наиболее мудрые среди них терпят подобные глупости.

- Мы обязаны их терпеливо переносить, - отвечал он мне, - потому что не можем знать, вдохновлен ли человек, встающий, чтобы держать речь, разумом или же глупостью; в этом сомнении мы весьма терпеливо слушаем, мы разрешаем говорить даже женщинам. Часто случается, что вдохновленными оказываются сразу двое или трое наших богомольцев, и тогда в доме господнем поднимается порядочный шум.

- Значит, у вас вообще нет священников? - спросил я его.

- Нет, мой друг, - сказал квакер, - и мы прекрасно без них обходимся. Богу не угодно, чтобы благодать святого духа нисходила по воскресеньям на кого-либо

одного и чтобы мы осмеливались отстранять от этого других верующих. Благодарение небу, мы - единственные люди па Земле, совсем не имеющие проповедников. Не хочешь ли ты лишить нас этого счастливейшего отличия? В самом деле, для чего нам отлучать от груди свое собственное дитя и отдавать его наемной кормилице, если у нас самих есть молоко, чтобы его напитать? Эти наемницы тотчас же станут господами в доме и подчинят себе и мать и дитя. Бог рек: Даром получили, даром и отдайте. Станем ли мы после подобных слоёв торговать Евангелием и Снятым Духом и превращать собрание христиан в купеческую лавку?

Мы не даем ни гроша людям, одетым в черное, для того чтобы они помогали нашим бедным, хоронили наших умерших, проповедовали бы верующим: священные эти обязанности слишком нам дороги, чтобы перекладывать их на чужие плечи.

- Но как можете вы различить, что именно Дух Божий вдохновляет вас в ваших речах? - спросил я настойчиво.

- Всякий, - сказал он - кто молит Бога о том, чтобы Он его просветил, и кто возвещает прочувствованные Им евангельские истины, может быть уверен в том, что его вдохновляет Бог.

Вслед затем он забросал меня цитатами из Евангелия, долженствующими, по его мнению, доказать, что не существует христианской веры без непосредственного откровения. Он добавил также следующие примечательные слова:

- Когда ты двигаешь каким-либо из своих членов, двигает ли его при этом собственная твоя сила? Разумеется, нет, ибо у члена этого часто бывают непроизвольные движения. Именно тот, кто создал твое тело, поднимает это тело с земли; а идеи, получаемые твоей душой, - разве ты их сам образуешь? Менее всего, ибо они приходят к тебе вопреки твоей воле. Таким образом, твои идеи дает тебе Создатель твоей души; но, поскольку он сохранил свободу для твоего сердца, он дает твоему уму идеи, кои твое сердце заслуживает; ты живешь и Боге, действуешь и мыслишь в Боге, и тебе остается лишь раскрыть глаза на тот свет, что просвещает всех людей; тогда ты узришь истину и заставишь узреть ее других.

- Э, вот и отец Мальбранш⁴ во всей его наготе! - воскликнул я.

- Я знаю твоего Мальбранша, он был чуть-чуть квакером, но был им не в достаточной мере.

Вот главное, что я извлек из доктрины квакеров; в следующем письме перед вами пройдет их история, которая должна показаться нам еще более необычной, чем их учение.

Письмо третье

О КВАКЕРАХ

Вы уже видели, что история квакеров начинается с Иисуса Христа, который, согласно их учению, был первым квакером. Религия, говорят они, подверглась искажению почти сразу же после его смерти и пребывала в таком искаженном виде около 1600 лет; однако в мире всегда существовали отдельные тайные квакеры, бравшие на себя заботу о поддержании священного огня, затухающего по милости остальных, пока, наконец, этот светоч не возгорелся в 1642 году в Англии.

Случилось это в то время, когда три или четыре секты раздирали на части

Великобританию гражданскими воинами, затевавшими во Имя Божье: некий человек по имени Джордж Фокс из графства Лестер, сын шелкодела, принял решение выступить с проповедями, по его собственному утверждению, в качестве истинного апостола; иначе говоря, он брался проповедовать, не умея ни читать, ни писать. Это был молодой человек, двадцатипятилетнего возраста, безупречной нравственности, но сумасброд. Он был с головы до пят облачен в кожу и так ходил из деревни в деревню, выкрикивая протесты против войны и духовенства. Были бы его проповеди направлены только против солдат, ему нечего было бы опасаться, но он нападал на церковь и потому немедленно был заточен в тюрьму. Его препроводили в Дерби к мировому судье. Фокс предстал перед судьей в своем кожаном колпаке. Сержант закатил ему тяжелую оплеуху, приговаривая: "Нищий бродяга, или ты не знаешь, что перед господином судьей надо стоять с непокрытой головой?" Фокс подставил другую щеку и попросил у сержанта милости, чтобы он во имя любви к Богу дал ему другую пощечину. Мировой судья хотел привести его к присяге перед допросом. "Друг мой, отвечал он судье. -знай, я никогда не произношу имени Господа всеу". Когда судья услышал, что человек этот обращается к нему на ты, он послал его в исправительное заведение графства, чтобы ему дали там розог, Джордж Фокс отправился в дом умалишенных, славя Бога, и там без промедления над ним была учинена экзекуция в -точном соответствии с приговором судьи. Те, кто выполнял эту палочную эпитимью, были поражены, когда он попросил добавить ему еще несколько ударов розгами ради спасения его души. Господа эти не заставили себя долго просить, Фокс получил двойную порцию розог, за что он их поблагодарил самым сердечным образом. Затем он принялся им проповедовать. Сначала раздался смех, затем они стали прислушиваться, и поскольку одержимость - заразная болезнь, многие почувствовали себя убежденными; так люди, учинившие ему порку, стали его первыми учениками.

Освобожденный из своего заточения, он бродил по полям с двенадцатью своими приверженцами, без усталости проповедуя против духовенства и время от времени подвергаясь порке. В один прекрасный день, привязанный к позорному столбу, он произнес перед народом такую страстную речь, что обратил в свою веру полсотни слушателей, остальных же сделал столь ревностными своими приспешниками, что, возбужденные, они освободили его от позорного ошейника. После этого было послано за англиканским священником, коему было поручено осуждение Фокса на эту казнь, и -тот был водворен на свое место у позорного столба.

Он осмелился даже обратиться к нескольким солдатам Кромвеля, которые бросили после этого военное ремесло и отказались дать присягу на верность. Кромвелю не нужна была секта, члены которой вообще не желали сражаться, тем более что Сикст Пятый изрек дурное пророчество о секте *dove non si chiavava*. Кромвель воспользовался своей властью для преследования этих новоявленных апостолов, и ими стали заполнять тюрьмы; однако преследования имеют всегда один результат- они создают прозелитов; последние выходят из тюрем укрепленными в своей вере и сопровождаемые обращенными ими тюремщиками. Однако вот что более всего послужило расширению секты: Фокс считал себя боговдохновенным. Вследствие этого он полагал, что обязан говорить иначе, чем прочие люди: проповедуя, он начинал дрожать, делать всевозможные ужимки и гримасы, за-

держивать дыхание и выдыхать с силой: сама дельфийская жрица не выполняла бы всего этого лучше. В короткий срок он усвоил стойкую привычку к боговдохновенности, а уж после этого было не в его власти говорить иначе. Это было его первым даром своим ученикам. Они добросовестно повторяли все гримасы своего мэтра и дрожали изо всех сил в момент вдохновения. Отсюда и получили они имя "квакеры", что означает "трясуны". Простой народ забавлялся тем, что им подражал. Люди дрожали, говорили в нос, бились в конвульсиях и верили при этом, что они одержимы Святым Духом. Им не доставало только чудес - чудеса были им даны.

Патриарх Фокс сказал публично, в присутствии большого собрания, некоему мировому судье: "Друг, будь осторожен. Бог не замедлит покарать тебя за преследование святых". Судья этот был пьяницей, дни напролет пившим скверное пиво и водку; он умер от апоплексического удара через два дня, именно в тот момент, как собирался подписать ордер на тюремное заключение нескольких квакеров. Эта внезапная смерть не была приписана его неводержанности: весь свет рассматривал ее как действие предсказания святого человека.

Смерть эта породила большее число квакеров, чем тысячи проповедей и несчетное множество конвульсий. Кромвель, видя, что число квакеров растет с каждым днем, вознамерился привлечь их на свою сторону. Он велел предложить им денег, но они оказались неподкупными, и однажды он сказал, что религия эта - единственная, которую он не сумел одолеть с помощью гиней.

Иногда они подвергались преследованиям при Карле II, но не за свою религию, а за нежелание платить десятину духовенству, за обращение на ты к должностным лицам и за отказ от присяги, предусмотренных законом.

Наконец, в 1675 году шотландец Роберт Беркли представил королю свою "Апологию квакеров" - прекраснейшее сочинение. Посвятительное письмо Карлу II содержит там не низкую лесть, но смелые истины и справедливые советы.

"Ты испытал, - говорил он в конце этого письма Карлу II. - и сладость (и горечь, благополучие и величайшие бедствия; тебя изгнали из страны, где ты царствуешь, ты почувствовал тяжесть притеснения, и ты должен знать, сколь презретен угнетатель перед лицом Бога и людей). И если бы ты после стольких испытаний и благословений судьбы ожесточился в своем сердце и забыл Бога, который помнил о тебе и твоей юдоли, проступление твое было бы еще горше и осуждение твое - еще ужасней. Поэтому, вместо того чтобы слушать лесть своего двора, послушайся голоса своей совести, которая тебе никогда не польстит. Твой верный друг и подданный Беркли".

Самое поразительное, что письмо это, написанное королю безвестным частным лицом, произвело свое действие и преследование прекратилось.

Письмо четвертое
О КВАКЕРАХ

Примерно в это время появился знаменитый Уильям Пени¹⁰, установивший власть квакеров в Америке и снискавший им уважение в Европе, если только люди способны уважать добродетель, выступающую в шутовской личине. Человек этот был единственным сыном сэра Пенна, вице-адмирала Англии и фаворита герцога Йорка, начиная со времен Якова II¹¹.

Уильям Пени в возрасте пятнадцати лет встретил в Оксфорде, где он учился,

некоего квакера. Последний его убедил, и молодой человек, отличавшийся живостью, природным красноречием и благородством лица и манер, тотчас же заговорил нескольких своих товарищей. Он незаметно учредил Общество юных квакеров, собиравшихся в его доме. Таким образом, в свои шестнадцать лет он оказался главою секты.

По окончании колледжа и возвращении к своему отцу-адмиралу он, вместо того чтобы пасть перед ним ниц и просить его благословения, как это принято у англичан, подошел к отцу с покрытой головой и обратился к нему с такими словами: "Я весьма рад, друг, видеть тебя в добром здравье". Вице-адмирал решил, что сын его спятил, но скоро понял, что тот стал квакером. Он пустил в ход все доступные человеческому рассудку средства, чтобы убедить его жить, как все люди. Но единственным ответом молодого человека были уговоры, направленные на то, чтобы с его отец сам стал квакером.

В конце концов отец немного уступил сыну под единственным условием, что, когда тот отправится с визитом к королю и герцогу Йорку, он будет держать шляпу в руке и не будет говорить им ты. Уильям отвечал, что его совесть ему этого не позволяет. Возмущенный и отчаявшийся отец прогнал его из своего дома. Юный Пени возблагодарил Бога за то, что тот даровал ему пострадать за свое дело, отправился проповедовать в Сити и завоевал там много приверженцев.

Озарения каждодневно нисходили на проповедников секты, а так как Пени был юн, прекрасен и ладно скроен, придворные дамы и горожанки благочестиво спешили его послушать. Слава его заставила патриарха Джорджа Фокса явиться из глубины Англии в Лондон па него взглянуть. Вместе они решили отправиться с миссией в чужие страны. Они направили свой путь в Голландию, оставив достаточно много работников, которым надлежало возделывать лондонский виноградник. В Амстердаме труды их увенчались блестящим успехом; но более всего чести принесли им и сильнее всего подверг опасности их скромность прием, оказанный им княгиней папского двора Елизаветой, теткой английского короля Георга II, женщиной, знаменитой своим умом и ученостью, которой Декарт посвятил свой "Философский роман"¹³. В то время она удалилась на покой в Ла Э, где и встретила этих друзей: именно так именовали тогда квакеров в Голландии. У нее состоялось несколько беседований с ними; они нередко читали проповеди в ее доме, и если они не превратили ее в оконченную квакершу, то по крайней мере признали, что она недалеко от царствия небесного.

"Друзья" посеяли свои семена также в Германии, но урожай был невелик. Манера обращаться на "ты" не пришлась по вкусу в стране, где все были обязаны постоянно иметь на устах титулы "Ваше высочество" и "Ваше превосходительство". Пени, получив сообщение о болезни отца, незамедлительно вернулся в Англию; он явился как раз, чтобы присутствовать при его последних вздохах. Вице-адмирал примирился с ним и нежно его обнял, несмотря на то, что сын исповедовал другую религию. Уильям убеждал его вообще не принимать причастия и умереть квакером, в то время как старый добряк безрезультатно советовал сыну носить на манжетах пуговицы и перья на шляпе.

Уильям унаследовал огромное состояние, в том числе и королевские долги за авансы, выплаченные вице-адмиралом во время морских походов. В те времена не существовало ничего более неверного, чем деньги, которые задолжал король.